

партнёров, усилий, направленных на организацию диалогического взаимодействия. Рассмотрение коммуникативной компетенции через призму брачных ожиданий подразумевает погружение в ситуативный контекст, в систему значений супруга, признание возможности существования и принятия иной (кроме своей) точки зрения. Изучение коммуникативной компетентности с этих позиций открывает новые возможности не только для понимания психологической сущности брака, но и для создания эффективных помогающих терапевтических отношений между психологом и клиентами-супругами.

ГРАЖДАНСКИЙ БРАК: ПРОБЛЕМА ДОСТИЖЕНИЯ КОРРЕЛЯЦИИ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОГО И ПРАВОВОГО АСПЕКТОВ

Евлдова Н.В., старший преподаватель УО «БрГТУ»

Так называемые «фактические браки» редко становились объектом самостоятельных правовых исследований. В современной семейно-правовой литературе и комментариях действующего законодательства в той или иной мере упоминается о фактических брачных отношениях. Высказаны различные взгляды относительно того, как воздействуют нормы права на «фактические браки». В частности, С. И. Реутов считает, что хотя регистрация брака является, безусловно, необходимой и с общественных позиций целесообразной, незарегистрированные фактические браки не могут находиться вне правового регулирования. [1] Л. П. Короткова и А. П. Вихров, напротив, полагают, что «семья изначально образовывается и пребывает только в рамках закона ... Сожительство, как брачное состояние без регистрации, не порождает семейно-правовых последствий и свидетельствует о легкомыслии в брачных отношениях, об аморфности и ненадежности их, о безответственности перед семьей и обществом, а, в конечном счёте, – о неприятии признаваемой законом и государством семьи» [2].

Е.С. Гетман указывает, что «с фактическими брачными отношениями мужчины и женщины, независимо от их продолжительности каких-либо правовых последствий закон не связывает» [3]. Аналогичное мнение высказано М. В. Антокольской, которая также считает, что «незарегистрированный брак по-прежнему не порождает никаких правовых последствий», но это «следует признать не отвечающим современным потребностям общества» [4]. Предлагается частично распространить на отношения сожителей действие правовых норм института брака, например, относительно возможности заключения соглашений о предоставлении содержания, режиме имущества.

Законодательство большинства государств признает лишь брак, оформленный в установленном порядке, т.е. зарегистрированный в наделённых соответствующими полномочиями государственных или местных органах либо совершённый по определённому религиозному обряду, если законы данной страны приравнивают религиозный брак к зарегистрированному светскому.

Вместе с тем всегда, как на протяжении истории человеческой цивилизации, так и на современном этапе существовали так называемые фактические брачные отношения – подобный брачному союз мужчины и женщины, обладающий, за исключением оформления его в установленном порядке, всеми признаками брака: физическое сожительство на постоянной основе, совместное проживание и ведение общего хозяйства, нередко совместное воспитание детей.

В Древнем Риме правом допускались некоторые виды внебрачного сожительства. Например, существовал конкубинат (естественный брак, дикий брак), отличавшийся от брака тем, что у мужчины отсутствовало намерение жить в браке (*affectio maritalis*), а у

женщины – намерение следовать социальному состоянию мужчины (*dignitas uxoris*), а также тем, что в него вступали не с целью рождения детей.

Конкубинат определялся как сожитительство, «дозволенное законом». Это означало, что отсутствовали законные препятствия к вступлению в брак (близкое родство, состояние в нерасторгнутом браке и т. д.). Однако лица, находившиеся в такой связи, не пользовались супружескими правами на имущество, как и другими супружескими правами. Конкубинат порождал правовые последствия лишь в отношении рожденных в таком сожительстве детей: за ними признавались права на алименты от отца и на ограниченное наследственное право по отношению к отцу [5].

Как известно, все религии (кроме языческих), обладающие в большинстве стран мира статусом государственных или официальных или на протяжении нескольких столетий являвшиеся таковыми (христианство, ислам, иудаизм и др.), осуждали любое внебрачное сожитительство. Поэтому в таких странах правовая защита фактическим супругам не предоставлялась, личные и имущественные отношения между ними законом не регулировались. Законодателя интересовала лишь судьба детей, рожденных вне брака, существенным был в связи с этим вопрос об уплате отцом средств на их содержание [6]. При этом для возникновения связанных с рождением внебрачных детей прав и обязанностей (личных, алиментных, наследственных) было юридически безразлично, родились ли эти дети в фактическом браке или в результате другой связи.

В истории белорусского семейного законодательства был период, когда фактические брачные отношения порождали правовые последствия, аналогичные последствиям законного брака. Этого требовала ситуация, сложившаяся после революции.

Согласно изданному 18 декабря 1917 г. декрету «О гражданском браке, детях и ведении книг актов гражданского состояния» [7] и принятому в 1918 г. Кодексу законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве [8], новая власть считала законным только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния. Заключенный священником брак не признавался, и в этом состоял один из способов борьбы советской власти с церковью. Фактический брак, не освященный церковью, также не пользовался защитой закона [9].

Однако значительная часть населения оставалась приверженной традиционной, религиозной форме совершения брака и не регистрировала его в государственных органах. Поэтому придание правового статуса только зарегистрированному браку, непризнание правового значения за фактическими брачными отношениями отрицательно отразилось на интересах женщин. По статистическим данным Народного комиссариата юстиции, в 20-е годы XX в. число незарегистрированных браков составляло примерно 7% от общего количества браков в республике. Как правило, в таких браках состояли женщины из наименее обеспеченных слоев населения, нуждавшиеся в правовой защите [10].

В целях защиты имущественных интересов женщин Кодекс законов о браке, семье и опеке (КЗоБСО), принятый в 1926 г., во многом приравнял фактические брачные отношения к браку, зарегистрированному в установленном порядке. При этом, естественно, законодательством не учитывалось, были ли брачные отношения освящены церковью. Положения, определявшие права супругов на имущество, распространялись, согласно ст.11 КЗоБСО, также на имущество лиц, фактически состоявших в брачных отношениях, хотя бы и не зарегистрированных, если эти лица взаимно признавали друг друга супругами, или же если брачные отношения между ними установлены судом по признакам фактической обстановки жизни. Чтобы конкретная связь была признана судом именно фактическими брачными отношениями, порождающими супружеские права на имущество, требовалось доказать факт совместного проживания и наличие общего хозяйства, выявление супружеских отношений перед третьими лицами в личной пере-

писке и других документах, а также в зависимости от обстоятельств, взаимную материальную поддержку, совместное воспитание детей и пр. Эти признаки, отличавшие фактические брачные отношения от случайной связи, были определены в ст.12 КЗоБСО.

При этом законодательно не был решен вопрос об одновременном состоянии в фактическом браке с одним лицом и зарегистрированным не расторгнутом браке с другим. КЗоБСО не устанавливал исключений также для тех фактических брачных отношений, которые не могли превратиться в законный брак из-за наличия к тому препятствий (близкое родство и др.).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. фактические брачные отношения были лишены юридической силы. Лицам, в них состоявшим, предоставлялась возможность зарегистрировать брак, указав при этом срок фактической совместной жизни. Если же такая регистрация оказывалась невозможной, так как один из фактических супругов умер или пропал без вести на фронте во время Великой Отечественной войны, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 года другому фактическому супругу было предоставлено право обратиться в суд с заявлением о признании его (ее) супругом умершего или пропавшего без вести на основании ранее действовавшего законодательства.

Таким образом, после издания Указа от 8 июля 1944 г. наличие фактических брачных отношений перестало порождать права и обязанности супругов в отношении имущества. В литературе послевоенных лет такое решение властей объясняется тем, что женщина была уже полностью раскрепощена, на работе и в быту она стала действительно равноправной с мужчиной, могла сама защитить себя и своего ребенка. Поэтому отпала необходимость охранять её интересы признанием за ней определённых имущественных прав при фактических брачных отношениях. Вместе с тем интересам подрастающего поколения в значительно большей мере отвечает устойчивый, стабильный брак, т. е. брак зарегистрированный. Кроме того, регистрация брака объявлялась таким средством, пользуясь которым государство может оказывать культурно-воспитательное воздействие на отношения быта [11].

С приведённой точкой зрения трудно согласиться. Представляется, что лишение фактических брачных отношений прежней юридической силы было осуществлено в рамках процесса всеобщего «закручивания гаек», происходившего в тот исторический период. Ученые-правоведы лишь сделали попытку дать приемлемое для граждан объяснение позиции законодателя, которую, тем не менее, невозможно признать позитивной. Ибо отказ в правовой поддержке любого брака кроме зарегистрированного в установленном порядке пришёлся именно на тот период, когда множество «раскрепощённых» женщин оказалось лишено в том числе и материальной поддержки, причем не только из-за гибели мужей на фронте, но и из-за разрушения семей по другим связанным с войной причинам. Тем самым законодатель отказал в защите тем, кто в ней особенно нуждался. При этом не следует забывать, что Указ от 8 июля 1944 г. ухудшил положение внебрачных детей: было запрещено установление отцовства в отношении таких детей (как судебное, так и добровольное). Как верно заметила М.В. Антокольская, этот документ, принятый в условиях усиливавшейся реакции, отбросил наше законодательство на столетие назад [12].

Кроме того, в упомянутом Указе от 10 ноября 1944 г. не был установлен срок для обращения пережившего фактического супруга в суд с заявлением о признании его (ее) на основании ранее действовавшего законодательства супругом умершего или пропавшего без вести на фронте. Поэтому обращение в суд с таким заявлением и такое признание возможно и в наше время. Иными словами, и сегодня фактические брачные отношения лиц, один из которых умер или пропал без вести на фронте во время Великой

Отечественной войны, могут быть в части прав на имущество приравнены к зарегистрированному браку.

Интересен подход к незарегистрированному брачному сожительству, разработанный в Эквадоре. 29 декабря 1982 г. в этой стране был принят закон «О регулировании фактического брака» – специальный законодательный акт, целиком посвященный фактическим брачным отношениям. Видимо, принятие этого закона было вызвано либерализацией всей общественно-политической жизни страны в результате прихода к власти в 1979 г. гражданского правительства (после военного переворота 1972 г.), а также обстоятельствами, аналогичными сложившимся в Советском Союзе к 1926 г., – недостаточным распространением среди католического населения установленной светской формы заключения брака.

Отметим, что уже в названии данного закона (как и в его тексте) употребляется слово «брак», а сами отношения обозначены термином «фактический брак», а не, например, «семейные отношения без регистрации брака», «фактические брачные отношения», «внебрачная общность жизни» и др. Согласно ст. 1 этого закона, «постоянный и моногамный фактический брак продолжительностью более двух лет между мужчиной и женщиной, свободными от брачного союза, чтобы вместе жить, рожать детей и оказывать друг другу взаимную помощь, дает основание для образования общности имущества». То есть фактический брак является основанием для установления законного режима имущества супругов. Все, что касается общности имущества в фактическом браке (актив и обременение, управление имуществом, раздел приобретений), регулируется нормами Гражданского кодекса Эквадора о супружеской общности. При этом постоянное управление общностью осуществляет тот из сожителей, который уполномочен на это официальной грамотой, а если уполномочие отсутствует, общностью управляет мужчина. Такой же порядок действует в Эквадоре в отношении законного брака.

Более того, ст. 10 закона Эквадора «О регулировании фактического брака» предписывает применять к пережившему лицу, состоявшему в фактическом браке, все правила о наследовании по закону, предусмотренные Гражданским кодексом Эквадора, как если бы он являлся супругом. А статья 11 предоставляет тем, кто «в согласии с данным законом основал фактический брак», право на все льготы, предусмотренные налоговым и пенсионным законодательством для супругов.

В отличие от советского законодательства 1926 г., названный закон Эквадора четко определяет, что должен соблюдаться принцип моногамии в самом фактическом браке и что ни один из фактических супругов не должен одновременно состоять в законном браке, а также устанавливает требования к минимальной продолжительности и характеру совместной жизни. Таковы обязательные условия, при наличии которых фактический брак порождает указанные в данном законе правовые последствия.

Предполагается, что имеет место фактический брак, если мужчина и женщина в своих социальных отношениях вели себя как муж и жена и были приняты как таковые родственниками, друзьями, соседями. Судья при оценке доказательств должен исходить из понимания разумного человека.

Статья 8 того же акта обязывает сожителей заботиться о необходимом для их совместной жизни и, по возможности, вносить вклад в содержание их общего домашнего хозяйства. Таким образом, в Эквадоре фактический брак при наличии определенных условий порождает правоотношения собственности супругов.

Такое широкое признание фактических брачных отношений, как в Эквадоре, представляется для большинства государств в настоящее время нецелесообразным.

В Германии практикуется заключение договоров об имуществе между лицами, состоящими в брачных отношениях без регистрации брака (*nichteheliche Lebensgemeinschaft*, буквально – внебрачная общность жизни). Германское законодательство, как и Кодекс о браке и семье, признает правовые последствия только за зарегистрированным браком. Нормативные правовые акты не содержат специальных положений, касающихся фактического брака. В немецкой юридической литературе высказывается мнение о том, что если бы существовали специальные законодательные установления, регулирующие фактические брачные отношения, то большинство фактических супружеских пар не желало бы, чтобы эти установления к ним применялись, поскольку для многих из них целью вступления именно в фактический брак является как раз избежание правовых последствий сожителства [13]. Вместе с тем германская судебная практика рассматривает вступление в фактический брак как образование общества гражданского права, т. е. объединения лиц, не являющегося по законодательству Германии юридическим лицом, но которое вправе иметь обособленное имущество.

При этом фактическое сожителство признается внутренним обществом (*Innengesellschaft*). Это означает, что соответствующие нормы об обществе применяются только к отношениям фактических супругов между собой, но не с третьими лицами. Следовательно, фактические супруги могут заключить договор, регулирующий их имущественные отношения. Обычно такие договоры называются договорами о партнерстве, их образцы опубликованы. В них предусматриваются, например, следующие положения: право одного партнера пользоваться вещами другого без предоставления замены потребляемых вещей; равное участие партнеров в расходах на наем жилого помещения для совместного проживания; обязанность партнера, расторгающего фактический брак, выехать из такого помещения и обязанность другого партнера освободить его со следующего после выезда месяца от расходов по оплате жилья; общая долевая собственность на приобретенные в период сожителства предметы домашнего обихода и раздел их при прекращении сожителства таким образом, чтобы каждый партнер имел возможность в дальнейшем вести отдельное хозяйство.

Признание фактического брака внутренним обществом означает, что фактические супруги не вправе включать в договор о партнерстве положения, затрагивающие интересы третьих лиц или государства (предусмотреть право одного из фактических супругов совершать без доверенности сделки от имени другого и т. п.). Условия договора о партнерстве также не должны противоречить «добрым нравам», например, устанавливать обязанность возместить убытки или выплатить неустойку в случае одностороннего прекращения сожителства.

Французскому правопорядку известен, например, договор о совместной жизни и о сожителстве. Договором о совместной жизни признается договор, заключенный двумя совершеннолетними физическими лицами, разного или одного того же пола, с целью устройства совместной жизни (ст. 515-1 Гражданского кодекса Франции). При том данный договор недействителен, если заключен лицами, между которыми не может быть зарегистрирован брак:

- между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии,
- между свойственниками по прямой и боковой линии до третьей степени родства включительно,
- между лицами, хотя бы одно из которых состоит в браке, либо уже связано договором о совместной жизни.

Предметом данного договора согласно ст. 515-5 ГК Франции может быть установление режима общей собственности в отношении предметов домашней обстановки, которые лица будут приобретать за плату после заключения договора. По умолчанию в отношении таких предметов устанавливается режим общей совместно собственности, с равными правами участников договора на приобретаемое имущество. Важно, что правило о равных идеальных долях в праве собственности, установлено в силу закона и в отношении иного имущества, в том числе недвижимого.

Фактический союз двух лиц, живущих вместе, когда такая совместная жизнь носит устойчивый и продолжительный характер, определяется французским законодателем в качестве сожительства (ст. 515-8 ГК Франции). При этом полагаем, что необходимость заключенного договора о совместном проживании для лиц, состоящих в сожительстве, вытекает из смысла закона, хотя в самой статье, определяющей понятие сожительства, такое требование не установлено.

Итак, как видим, государство на протяжении всей своей истории старалось поддерживать только «официальные браки» – как основную форму установления семейных отношений. Фактические брачные отношения, имевшие место параллельно, вызывали недовольство и порой преследования. Однако на современном этапе на фактические брачные отношения не закрываются глаза, а имеет место попытка найти правовой баланс между поддержанием ценностных устоев и правом на уважение частной жизни человека.

Следует заметить, что вмешательство права в столь деликатную область взаимоотношений между людьми без проведения соответствующих предварительных социологических исследований: сбора информации о реальном распространении «фактических браков» в обществе, социальном статусе их участников, причинах образования и распада, длительности существования, недопустимо. Но именно специфика объекта исследования чрезвычайно затрудняет получение необходимых сведений.

Ещё одно обстоятельство, которое должно быть учтено, заключается в безусловном признании внебрачного сожительства как явления объективной социальной действительности. Стабильный внебрачный союз способен выполнять основные социальные функции семейного образования и может, несмотря на несоблюдение процедур заключения брака, считаться одной из форм семейных образований.

Следует учитывать, что социальный институт брака не может быть отождествлен с правовым институтом брака. Но именно значимость этого социального института заставляет государство вносить публично-правовые, упорядочивающие начала в регулирование соответствующих межполовых взаимоотношений людей, то есть формировать правовой институт брака. Эти начала проявляются в требованиях к публично признаваемому и пользующемуся государственной защитой сожительству в виде условий и препятствий к браку, установления процедур заключения и прекращения брака. Признаваемое государством, «законное», сожествово мужчины и женщины и именуется в праве «брак». По своей правовой природе это ни что иное, как особое семейное правоотношение.

Литература

1. С.И.Реутов Указ. соч. СС. 83-95.
2. Л.П.Короткова, А.П.Вихров Семья – только в рамках закона / Правоведение, 1994, № 5 – 6. С. 160.
3. Комментарий к Семейному кодексу РФ / Общ. ред. П.В. Крашенинникова. – С. 30-31.
4. Антокольская М.В. Семейное право. – М., 1999. – С. 115.

5. См., напр.: Jung H. Ehevertrage. Fragen des Familienrechts. Frankfurt-amMain, 1995. S. 20, 41-46; Гражданский кодекс Квебека. – М., 1999. – С. 86; Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. И.М. Кузнецова. – М., 2000. – С. 54.
6. Хвостов В.М. Система римского права. – М., 1996. – С. 107, 367; Новицкий И.Б. Римское право. – М., 1993. – С. 63; Пухан И., Полинак-Ахимовская М. Римское право. – М., 1999. – С. 113 и др.
7. Антокольская М.В. Семейное право. – М., 1999. – С. 60-61; Загоровский А.И. Курс семейного права. – Одесса, 1909. – С.347-484; Нечаева А.М. Семейное право. – М., 1998. – С. 51 и др.
8. Собрание узаконений РСФСР. 1917. N 1. Ст. 160.
9. Свердлов Г.М. Брак и развод. – М.; Л., 1949. – С. 6.
10. Антокольская М.В. Указ. соч. С.70; Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. История советского гражданского права. – М., 1949. – С. 427-428; Свердлов Г.М. Указ. соч. С. 7, 9 и др.
11. Слепакова А.В. Фактические брачные отношения и право собственности. «Законодательство», N 10, октябрь 2001 г.
12. Антокольская М.В. Указ. соч. С. 77.
13. Jung H. Op. cit. S. 19-25.

ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ (ИТОГИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

*Кудрицкая Е.Г., старший преподаватель кафедры СПиИИ
Бурко О.П., старший преподаватель кафедры СПиИИ*

В последнее время четко просматриваются негативные тенденции в семейно-брачных отношениях среди студенческой молодежи. Резко меняющийся политический и экономический уклад в стране не позволяет быстро адаптироваться к новой ситуации и ухудшает моральное, социальное и экономическое состояние молодежи. В основе семейно-брачных отношений современного поколения должны закладываться христианские ценности.

С целью изучения проблемы семейно-брачных отношений в контексте христианских ценностей кафедрой социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета был проведен социологический опрос. Для сбора информации использовался метод анкетирования. Объекты исследования – студенты Брестского государственного технического университета экономического и строительного факультетов 18 – 22 лет. В опросе приняли участие 200 человек: на экономическом факультете 2 курса – 19 девушек и 81 юноша; на строительном факультете 4 курса – 49 девушек и 51 юноша (результаты исследования приведены в таблице 1).

Большинство респондентов в браке не состоят (86% – на экономическом факультете и 96% – на строительном).

На вопрос, «Хотите ли Вы создать семью, основанную на христианских ценностях?», 24% студентов экономического факультета и 35% строительного ответили: «Хотелось бы, но плохо знаю эти ценности», причем студенты экономического факультета (36%), в отличие от студентов строительного факультета (16%), выбрали «да, обязательно».